

Дом тётушки Юнь ютился на тихой окраине. Чтобы выбраться отсюда к шумным, бурлящим жизнью кварталам, нужно было преодолеть длинный, едва ли не в сотню метров, глухой переулок.

Выскользнув через заднюю дверь, Хань Хэн неторопливо побрёл в сторону центра.

У самого выхода его встретила лавка благовоний и пудры. Торговые ряды тянулись по обеим сторонам мостовой, загромождая лотками едва ли не половину проезжей части; продавали здесь решительно всё.

Накануне тётушка Юнь велела снабдить его серебром на мелкие расходы. Особого представления о здешних ценах Хань Хэн не имел, а потому просто шёл вперёд, с живым любопытством озираясь по сторонам.

Вскоре он уловил местный порядок.

В ходу тут были главным образом медные монеты. При себе у Хань Хэна имелся всего один небольшой серебряный слиток, но и этого, судя по всему, с лихвой хватало, чтобы заглянуть в чайную или прикупить какую-нибудь занятную безделушку. Впрочем, тратить деньги он не собирался.

Расспрашивая прохожих, Хань Хэн проблуждал по улицам добрую половину дня, но так и не выведал, где находятся приличные заведения с музыкой и танцами. Первый же встречный, к кому он обратился, окинул его сальным, многозначительным взглядом. Хань Хэн, разумеется, всё понял, но выбирать не приходилось: без карты и навигатора оставалось лишь доверяться чужим словам.

Добравшись до места, он с досадой обнаружил, что его завели в квартал «красных фонарей».

Вся улица была застроена двух- и трехэтажными весёлыми домами. Солнце только перевалило за полдень, здешние обитательницы ещё не изволили проснуться, отчего вокруг царил сонная, унылая пустота. Лишь изредка с грохотом проносился одинокий экипаж, увозящий домой какого-нибудь вдрызг пьяного, клюющего носом богача.

Второй прохожий, сочтя себя благодетелем, направил Хань Хэна к театру.

Однако и там двери в этот час были заперты.

Напротив театра, покачивая на ветру тканевой вывеской-полотнищем, зазывно открывала двери двухэтажная чайная — долгожданное пристанище для усталого путника.

Хань Хэн, бродивший по жаре больше часа, изнывал от жажды, а ноги его гудели. Поднявшись наверх, он устроился у окна и заказал чайник Тегуаньиня да пару легких закусок. Ему

принесли тончайшие, прозрачные пельмени с креветками, сквозь тесто которых аппетитно просвечивала розовая начинка, и исходящие паром свиные ребрышки с ямсом.

Шумная, пестрая толпа вокруг помогла Хань Хэну окончательно расслабиться. Откинувшись на спинку бамбукового кресла, он не торопясь выпил пару пиал ароматного настоя, съел несколько пельменей и, прикрыв глаза, блаженно замер, слушая гул голосов.

Вокруг стоял невообразимый гвалт, однако именно этот хаос возвращал ему чувство реальности. Чтобы по-настоящему прижиться в чужом мире, требовалось время. Хань Хэн с удовольствием впитывал эту непритворно живую атмосферу — это было во сто крат лучше, чем покрываться плесенью в четырех стенах запертого дома.

В прошлой жизни достаточно было не вставать с дивана, чтобы знать обо всем на свете. Да и попробуй не узнай: всплывающие уведомления, тренды соцсетей, бесконечная лента новостей — хочешь не хочешь, а любой мало-мальски громкий слух достигал тебя меньше чем за сутки.

Здесь же пошёл уже второй десяток дней, а он до сих пор не смыслил в устройстве этого мира ровным счётом ничего.

Постепенно, хотел он того или нет, до его слуха стали долетать громкие голоса соседей.

— Разве Южная Чу не капитулировала? — недоумевал один из завсегдатаев. — К чему опять раздоры? Еще в конце апреля они подписали с Великой Лян мирный договор.

— Ты что, не слыхал? — отозвался другой. — Государственный наставник Великой Лян скоропостижно преставился от какой-то хвори. Лянцы ведь как воевали? Только благодаря провидческому взору наставника всегда на шаг опережали врага. Теперь старик мёртв, и Южная Чу, ясное дело, решила переиграть всё по-своему.

— Да ладно тебе! — вмешался третий. — Лянцы объявили лишь о том, что Государственный наставник бесследно исчез. С чего ты взял, что он мёртв? Клан Тяньи не так-то просто извести. У них, поговаривают, даже мужчины способны вынашивать дитя, да и даром предвидения они наделены от рождения. Будь они обычными смертными, разве лянский престол превозносил бы их до небес?

— Языком молоть — не мешки ворочать, — фыркнул скептик. — Мужчины у них рожают... Кто это видел-то? Помнишь, тридцать лет назад у владыки Даюй родилась дочь с глазами разного цвета? Гадатели в один голос твердили, что её ждёт великая судьба, император над ней как над величайшей драгоценностью трясся. И что? Сбежала с каким-то проходимцем, и след простыл. Как по мне, чем выше сидишь, тем больше дурости в башке. Не верю я, что немощный старик, не смыслящий в боевых искусствах, способен вершить судьбы империй.

— Ты сам-то не видел ни его силы, ни его немощи, — возразил первый. — Сын нашего князя Жуя, юный принц Чжуан Лин, бьёт без промаха за полверсты. В это ты тоже откажешься

верить?

— Не путай божий дар с яичницей. Ратному делу и стрельбе учатся годами, мозолями да потом. А пророчить — ты меня выучи сперва, а потом умничай!

— Смутное время пришло, — веско уронил ещё один мужчина. — В такие дни на свет всегда лезет всякая чертовщина. Не веришь лянскому провидцу? Ладно. Но когда мы сошлись в бою с Великой Лян, тысячи наших ратников своими глазами видели: император Мин неуязвим ни для стали, ни для стрел. Такое не подстроишь. А пара его железных молотов весом в две сотни цзиней, которыми он махал в первых рядах? Это тоже, по-войску, сказки?

— Да пёс его знает, — усомнился скептик. — Мало ли что воеводы болтают, когда битву проиграют? Надо же как-то оправдать позор, вот и выставляют врага сущим дьяволом.

Хань Хэн слушал этот спор с растущим изумлением. Не открывая глаз, он продолжал впитывать праздные сплетни.

Чем дольше он прислушивался, тем забавнее ему казалось то, какими мифическими свойствами простые обыватели наделяли правителей, которых в глаза не видели. Оказалось, владычица Цзиньшуй сильна в искусстве обольщения и подчиняет своей воле любого, кто разделит с ней ложе; правитель Южной Чу понимает язык птиц, сделав пернатых своими соглядатаями по всему свету... Разве что о повелителях пламени пока никто не заикнулся.

— Хозяин, рассчитай! — донеслось от соседнего стола.

Услышав звон сыпаемой меди и шаги уходящих спорщиков, Хань Хэн неторопливо потянулся и открыл глаза. Проводив их взглядом, он отметил про себя, что одеты они были скромно: обычные городские обыватели среднего достатка, бесконечно далёкие от вершин власти.

— Эй, братец, — негромко позвал Хань Хэн.

Прибравший соседний стол трактирный слуга тут же подскочил:

— Чего изволит господин?

— Кое о чём расспросить тебя хочу, — Хань Хэн мимоходом скользнул ладонью по его руке, оставив в ней кусочек серебра.

Паренёк просиял и согнулся в услужливом поклоне:

— Господин изволит шутить, какая щедрость! Спрашивайте о чём угодно, ежели знаю — всё как на духу выложу.

— Да вот, ненароком подслушал разговор за соседним столом... — Хань Хэн качнул пиалу. — Неужто Южная Чу и Великая Лян снова сошлись в бою?

Трактирщик воровато скользнул взглядом по первому этажу. Убедившись, что хозяин заведения увлечённо щелкает счетами у конторки, он придвинул бамбуковый табурет и доверительно присел напротив Хань Хэна.

— Истинная правда, уважаемый, — зашептал он. — Нынешний правитель Великой Лян, император Мин, — на редкость воинственный муж. За какие-то три года он стёр в порошок соседние царства Сижун и Шанлин. Не будь наше Бэйшо так далеко от его границ, он бы и к нам с мечом пожаловал. Но теперь-то удача от него отвернулась: их Государственный наставник испустил дух, а без чужого ума император Мин много не навоюет.

— Отчего же? — Хань Хэн удивлённо приподнял бровь.

— Господин, верно, из дома почти не выходит? — Трактирщик смерил собеседника оценивающим взглядом. Подметил и дорогую ткань одеяний, и болезненную бледность лица, после чего мысленно записал гостя в изнеженные книжки, годами готовящиеся к сдаче императорских экзаменов.

Разгадав этот нехитрый взгляд, Хань Хэн вздохнул с кротким видом:

— Верно подметил. Матушка бережёт меня пуще зеницы ока, на улицу без нужды ходить не позволяет. Мой недуг, увы, не терпит лишних волнений и забот.

— Ну, коли так, не стоит мне вас тревожить... — засомневался слуга и уже собрался подняться.

— Да ладно тебе, расскажи, — Хань Хэн мягко улыбнулся, и в его чистом, мелодичном голосе проскользнули просящие, почти заигрывающие нотки. — Я в четырех стенах со скуки помираю, насилу выбрался глотка свежего воздуха глотнуть. Обещаю, матушка ни слова не узнает, да и неприятностей тебе никто не устроит.

Паренёк мгновенно смутился, у него даже уши запылали. Слегка растерянно почесав затылок, он покорно опустил обратно на табурет:

— Ну, коли так... Впрочем, тревожиться вам и впрямь не о чем. Великая Лян с нашим Бэйшо испокон веков в ладах живёт, да и разделяют нас тысячи ли. Пока этот их император Мин не сотрёт в порошок Шанци, Даюй, Цзиньшуй и Южную Чу разом, до наших границ ни один вражеский солдат не доберётся.

— Вот именно, — безмятежно согласился Хань Хэн. — Куда мне воевать с моей хворью.

Трактирщик лишь покачал головой, втайне позавидовав баловню судьбы, которому не нужно

думать о завтрашнем дне.

— И то правда. Так что послушали меня — и выбросьте из головы, не забивайте разум пустяками.

Хань Хэн покорно кивнул в знак согласия.

— Говорят, в Великой Лян живёт удивительный народ, род Небесных потомков, который зовут кланом Тяньи, — зашептал слуга, подавшись ближе. — При каждом императоре этой династии непременно должен состоять Государственный наставник из их числа. У этих людей дар предвидения в крови. Стоит новому правителю взойти на трон, он первым делом держит путь в обитель Тяньи и с величайшим почетом, совершая три коленопреклонения и девять земных поклонов, умоляет провидца сопровождать его во дворец. На наставнике держатся все главные обряды: поминовение предков, моления небу, призывание блага на Поднебесную. Прежде люди Тяньи никогда не опускались до того, чтобы использовать дар ради разжигания войн, но нынешний наставник оказался иным. В угоду амбициям воинственного императора Мина он стал потакать его безумию, предсказывая исходы битв и вычисляя слабые места врагов. А если вспомнить, что сам император Мин от рождения наделен божественной силой и неуязвим для клинков, неудивительно, что его кличут сошедшим на землю богом войны.

Хань Хэн невольно усмехнулся:

— Мало ли красивых сказок ходит в народе. Стоит ли им верить?

— И то верно, — согласился слуга. — Сказки они и есть сказки.

— К тому же, если этот Государственный наставник действительно обладал столь великим даром, как же он не уберёг себя от смерти? — Хань Хэн покачал головой.

Видя его сомнения, парень лишь улыбнулся и спорить не стал.

— Послушай, братец, у меня к тебе ещё одно дело, — сменил тему Хань Хэн.

— Внимаю вам.

— Есть ли в здешних краях приличные музыкальные или танцевальные заведения?

— Хотите усладить слух пением да полюбоваться на изящные пляски? — Слуга озадаченно поскрёб макушку. — На востоке города высится Башня Слушания Лебедей. Лет десять назад она гремела на всю столицу, но после чего дела у них покатались под откос. Нынче там торгуют чаем, а выступает ли кто — бог весть. Ежели не считать весёлых кварталов, то для ценителей чистой красоты у нас есть Павильон Пленения Луны. Место почтенное, без пошлости и удушливого чада. Здешние девицы торгуют исключительно своим искусством и

поют дивно.

Узнав всё, что требовалось, Хань Хэн расплатился и покинул чайную.

Солнце уже стояло в зените. Поразмыслив, он решил не оставаться на обед в городе: он ушёл без предупреждения, и заставлять тётушку Юнь беспокоиться не хотелось.

Память его никогда не подводила — раз увиденную дорогу он запоминал навсегда, поэтому, выбрав верное направление, он быстро пошёл назад.

Оставалось миновать всего два поворота, чтобы выйти к глухому переулку, ведущему к поместью Сюэ.

Вдруг за его спиной раздался звонкий, отчетливый окрик:

— Господин Хань!

Хань Хэн резко свернул направо. Перед глазами на миг посветлело: прямо за углом приютилась цветочная лавка, благоухание которой, казалось, заливало всю прилегающую улочку тёплым сиянием.

За прилавком сидел паренёк лет пятнадцати, сосредоточенно подрезавший стебли охапке белых лилий. Лавка ломилась от обилия цветов: душистый жасмин, ночные магнолии, лилейники, гибискусы, нежная корица и множество других диковинных растений, названий которых Хань Хэн даже вспомнить не мог.

Вытерев мокрые ладони о подол фартука, юноша приветливо улыбнулся:

— Желаете приобрести букет, господин?

Внимательно осмотрев прилавки, Хань Хэн спросил:

— А имбирные лилии найдутся?

— Как не быть, проходите сюда, — паренёк юркнул вглубь лавки. — Сколько изволите?

— Охапку.

Хань Хэн с детства обожал свежий, пряный аромат имбирных лилий и в прежней жизни покупал их при первой же возможности. С высоты своего скромного опыта он начал замечать, что этот мир устроен на редкость ладно. Пожалуй, главным отличием от его прежней

реальности было лишь отсутствие электричества со всеми вытекающими из него благами прогресса.

Однако пища и обиходные вещи здесь казались куда более изысканными и добротными. Да и весело щебечущие на улицах румяные девицы наглядно доказывали, что времена эти далеки от душного средневекового затворничества.

<http://bllate.org/book/20487/2132747>